Ж.Г. Сон
Высшая школа экономики
Москва

ПАК ХОНЪЁН – ПАТРИОТ-ДЕМОКРАТ (1901–1955)

Введение. Обратиться к исследованию общественно-политической деятельности Пак Хонъёна привело знакомство с его дочерью Пак Вивианой (84 года). Её жизнь и судьба требует отдельного исследования, поскольку вызовет интерес у любого исследователя, настолько она интересна и необычна для советской эпохи. Бывшая артистка Государственного Академического ансамбля народного танца (ГААНТ) им. Игоря Моисеева, преподавателя школы-студии (техникум) при Государственном Академическом ансамбле народного танца им. Игоря Моисеева, лауреат Всемирного фестиваля демократической молодежи в Праге (1947). С трех лет Пак Вивиана жила и воспитывалась в Ивановском интернациональном детском доме политэмигрантов[1].

Рассказ Пак Вивианы об ее отце Пак Хонъёне, с которым она встречалась всего три раза (два раза в Москве и в течение одного месяца в Пхеньяне), побудил автора приступить к поискам архивных документов и каких-либо публикаций о нем, а также обратиться за помощью к московским корееведам-старейшинам. Собранные материалы легли в основу данной статьи. Основные выводы не претендуют на исчерпывающее освещение жизни и деятельности Пака Хонъёна, являясь лишь предпосылкой к дальнейшему исследованию. С другой стороны, до тех пор, пока не появится доступ к северокорейским архивам, исследования, касающиеся общественно-политической деятельности Пак Хонъёна, будут не полными.

Историческая наука не должна делить политических деятелей на «героев» и «злодеев», ее задача выявить в деятельности каждого из них объективные и субъективные нюансы и внутренние противоречия. Залог поступательного исторического развития заключается в осознании и преодолении противоречий. Исследование с этой точки зрения деятельности Пака позволяет внести ясность в эти нюансы и противоречия, выявить его роль и значение в истории Кореи.

Имя видного патриота-революционера Пак Хонъёна в силу политических пристрастий разделенной Кореи преданно забвению. Фигура Пака на фоне многих известных борцов за независимость Кореи от японского господства достойна внимания, поскольку его политическая деятельность неразрывно связана с антияпонской борьбой за освобождение Кореи. Участник Первомартовского восстания, Пак Хонъён один из организаторов и руководителей комсомола Кореи, секретарь ЦК компартии Кореи. С 1922 по 1939 гг. в общей сложности более десяти лет находился в тюремном заключении.

В Корейской народно-демократической республике (КНДР) Пак Хонъёна не иначе как изменником родины не называют, в Республике Корея (РК) его считают жестким ортодоксом-коммунистом. В КНДР в силу тоталитарного режима власти имя Пака вряд ли в ближайшем будущем будет реабилитировано. Однако в демократической Республике Корея, учитывая вклад, внесенный Паком не только по объединению различных корейских партий, но и в целом консолидации и умиротворению корейского народа на Юге Корейского полуострова после освобождения (1945), его имя достойно реабилитации.

Основной источниковой базой для написания настоящего сообщения послужили документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), публикации

[1] *Сон Ж.Г.* Танцовщица, которой аплодировал Ив Монтан // Российские корейцы. № 143. Ноябрь 2012 г. С. 10.

российских и зарубежных исследователей истории Кореи, воспоминания о Пак Хонъёне профессора-кореееведа Ф. Шабшиной (в рукописи), завершенные в 1993 году, а также архив дочери Пак Хонъёна – Вивианы.

В российской и зарубежной историографии имя Пака упоминается во многих работах, посвященных истории Кореи, корейскому освободительному движению за независимость. Однако, как и в российском корееведении специального исследования о жизни и политической деятельности выдающегося деятеля 1920 – 1950-х годов Пак Хонъёна еще не велось.

Пак Хонъён в советской историографии (1928–1953). В советской литературе имя Пак Хонъёна (псевд. Ли Чун) впервые упоминается в газетных публикациях (1928) в статье «101» о расправе корейских революционеров японскими властями[2]. На судебном процессе «101» были осуждены 101 кореец, среди них был и Пак Хонъён. Советские газеты писали, что, несмотря на пытки, которым подвергли коммунистов, они старались держаться спокойно, ведь на них смотрела и слушала Корея. Выступление Пака сводилось к следующему, что главной целью коммунистов является национальное освобождение Кореи и установление справедливости.

С 1928 по 1932 годы Пак Хонъён со своей семьей находился в эмиграции в СССР. В Москве он учился в Международной ленинской школе, активно работал в корейской секции Коминтерна. Об этом периоде жизни Пака свидетельствуют архивные материалы Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ).

После роспуска Корейской коммунистической партии (ККП) в 1928 г. руководством Восточного секретариата ИККИ решался вопрос по воссозданию ККП, с этой целью была создана новая комиссия. Решение вопроса по созданию центрального печатного органа были поручены Цой Шену, Пак Аю и Пак Хонъёну[3].

Среди всех документов той поры обращает на себя внимание письмо члена Корейской комиссии Ли Чуна (Пак Хонъёна) «Основные задачи нашего печатного органа «Коммунист»[4]. Помимо организационных вопросов оно отражает суть и методы борьбы против японских эксплуататоров, вполне характерных для Пак Хонъёна как патриота и борца за независимость Кореи. В письме констатируется: журнал «Коммунист» должен вести борьбу на два фронта: против ненасильственных методов борьбы национал-реформистов, а также против террористических методов борьбы, хотя в последнем случае, пишет Пак, признается преданность и самопожертвование террористов делу национального освобождения Кореи. Далее он указывает, что вооруженное восстание есть искусство и что это последний и высший метод борьбы, который требует зрелости объективной ситуации, а также субъективной готовности. Очевидно, что Пак Хонъён стремился к объединению всех «половинчатых и колеблющихся союзников», не умалял и не отказывался от «гегемонии пролетариата при установлении единого фронта с широкими массами трудящихся и трудовых элементов, в частности с крестьянством»[5].

В январе 1932 г. по заданию Коминтерна Пак Хонъён был командирован в Шанхай (Китай), для установления связей с подпольными организациями компартии в Корее и Маньчжурии, а также для руководства работы по изданию журнала «Коммунист». В июле 1933 г. он был арестован японской полицией. Последние сведения об аресте Пак Хонъёна содержатся в объяснительных записках супруги, Чу Седюк (псевд. Хан Вера, Кореева)[6] и его соратника и ближайшего друга Ким Даня[7], фактически присутствовавшего при его аресте.

---

[2] «101». Правда. 1926 16 февраля.
[3] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 421, л. 1.
[4] Там же, д. 442, л. 63 – 71.
[5] Там же.
[6] Там же, оп. 228, д. 480, л. 12 – 13.
[7] Там же, д. 23, л. 70.

В связи с арестом и длительным пребыванием в японской тюрьме сведения о дальнейшей судьбе Пак Хонъёна прерываются.

В 1952 г. монография Ф.И. Шабшиной «Народное восстание 1919 года в Корее»[8] открывает советскому читателю Пак Хонъёна как выдающегося революционного деятеля Кореи, теоретика и активного организатора корейского коммунистического движения. Труд Ф.И. Шабшиной был выстроен на двух научных трудах Пака, написанных им в 1947 г. в Сеуле: «Значение и уроки Первомартовского движения (삼일운동이 의의와 그 교훈)», «Три великих движения за независимую демократическую Корею (민주 조선 동립위한 삼대 투쟁사)», а также цитируется статья Пак Хонъёна «Корейский народ отстоит свою свободу и независимость»[9], опубликованная в газете «Правда». В этих работах основные акценты по вопросам перерастания мирных демонстраций в народное восстание, расставлены не на проявлении жестокости корейских патриотов, которые, безусловно, не хотели кровопролития, а являлись ответной реакцией на репрессии японской полиции и военщины.

Судьба монографии Ф.И. Шабшиной имеет трагические последствия. Вскоре после выхода в свет этой книги в 1952 г. в Пхеньяне был арестован Пак Хонъён. В связи с этим, в Союзе ССР книга была изъята и уничтожена. Сохранились лишь отдельные экземпляры в спецхране.

В 1953 г. Ф.И. Шабшина завершила работу над «Очерками новейшей истории Кореи», ч. II. Из воспоминаний автора известно, что данная публикация четыре года согласовывалась и обсуждалась. Были пройдены все инстанции советской цензуры, получены 17 рецензий из разных организаций и от специалистов – кореееведов. К досаде редакции все рецензии оказались положительными. Но от автора требовали неукоснительно: указать, что Пак Хонъён оказался врагом народа. Будучи глубоко уверенной в том, что Пак не мог быть таковым, автор книги с огромным трудом пошла на компромисс со своей совестью. О Пак Хонъёне было изложено, не от имени Ф.И. Шабшиной, а были приведены цитаты из официальных материалов съезда Трудовой партии Кореи[10].

Находясь в жестких рамках советской цензуры, постоянной информационной войны коммунистической и антикоммунистической пропаганды, советские исследователи находились «между молотом и наковальней», перед выбором писать истину или заведомо исказить существующие факты.

Таким образом, в период с 1953 – 1990-е гг. личность Пак Хонъёна фактически была предана забвению. Последняя информация о нем в Союзе ССР была зафиксирована 18 декабря 1955 г. в газете «Правда» под названием «Суд над предателем корейского народа». В этом сообщении констатируется, что «По сообщению Центрального телеграфного агентства Кореи, 15 декабря специальная коллегия Верховного суда КНДР провела судебное разбирательство по делу Пак Хонъёна, по обвинению его в шпионаже, диверсиях, убийствах и терроре с целью свержения народной власти в республике». Далее, отмечается, что Пак Хонъён еще в 1919 г. установил связь в Сеуле с американским разведчиком Андервудом, якобы активно выполнял задания американских империалистов, оккупировавших южную часть страны. Содержание этого сообщения аналогично обвинительным заключениям, которые выносились без суда и следствия, в отсутствие доказательной базы в Союзе ССР в период сталинского террора. Суд приговорил Пак Хонъёна к смертной казни с конфискацией всего имущества.

---

[8] *Шабшина Ф.И*. Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1952.

[9] *Пак Хонъён (Хен Ен)*. Корейский народ отстоит свою свободу и независимость // Правда, 22 апреля 1952 г.

[10] *Шабшина Ф*. Пак Хонъён. Его имя не должно быть забыто. 20 августа 1993 г. (рукопись)

Пак Хонъён в российской историографии (1990 – 2010-е гг.). С наступлением 1990-х годов возникла необходимость переосмысления истории, рассмотрения отдельных устоявшихся стереотипов, оценок, выводов и аргументов. В связи с этим ощущалась и потребность сбалансированного сопоставления действий прошлой системы управления обществом, идеологического оформления этих мер с истинным положением во всех сферах, в том числе и в исторической науке, начиная с 1917 года.

Изменение общей политической ситуации в российском государстве в конце 1980–начале 1990-х гг. содействовали появлению возможности использования исследователями ранее недоступных материалов российских архивов.

Достоянием общественности стали рассекреченные архивные материалы, хранящиеся в РГАСПИ, из Особой папки: Выписка из беседы с Ким Ир Сеном в секретариате ЦК КПСС от 31 марта 1953 г. (Оп. № 3729 от 16. 04. 1953 г.). Данный документ содержит объяснения причин ареста и обвинение Ким Ирсеном бывшего премьер министра и министра иностранных дел КНДР Пак Хонъёна в том, что он виновен в проигранной Корейской войне. Однако этот документ не содержит фактического материала, который бы доказывал вину Пака.

В Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) выявлены рассекреченные документы, такие как «Беседы секретаря ЦК Компартии Кореи тов. Пак Хонъёна с Начальником военной администрации генерал-майором Арнольдом, с командующим 24-м корпусом американских войск генерал-лейтенантом Хаджем (так в документе – прим. Ж.Сон), с проф. Ли Сынманом и др.

В 1995 г. вышла в свет книга А. Ланькова «Северная Корея: вчера и сегодня», вызвавшая в среде российских кореееведов немало вопросов. Автор строит свои выводы и предположения, основываясь на интервью с участниками тех событий, а также с потомками погибших от репрессий Ким Ирсена партийных лидеров. В данном труде не все исторические факты подтверждаются документально, поэтому вряд ли возможно назвать его научным.

Относительно политической деятельности Пак Хонъёна А. Ланьков пишет, что он был «бесспорным лидером всего коммунистического движения в Корее». Справедливо отмечает автор, что влияние и авторитет воссозданной компартии стали быстро расти. На первых порах, замечает А. Ланьков, «сеульская» партия была (или, скорее, считалась) общенациональной, то есть ей подчинялись как коммунисты Юга, так и (формально) коммунисты Севера. «К концу 1945 г. Компартия была одной из самых влиятельных политических сил на Юге, и ее влияние не смогли подорвать даже ограничения, налагаемые на ее деятельность американской военной администрацией (которая активно поддерживала амбиции правых националистов во главе с Ли Сынманом, будущим президентом Южной Кореи)» [11].

Сомнению подвергается утверждение о наличии в окружении Ким Ирсена фракционных группировок, которое основывается на письме от 20 апреля 1948 г. работником Политуправления 25-й армии В.В. Ковыженко, составленное для КГБ СССР. Согласно этому письму, в окружении Ким Ирсена имелось 4 группировки, якобы являвшиеся потенциальной угрозой для стабильности нового режима:

1) «местные корейцы» или бывшие подпольщики (руководитель Пак Хонъён);

2) вернувшиеся из Китая эмигранты-партизаны (к ним, помимо Ким Ирсена и Чхве Ёнгона относился Ким Мучжон);

3) советские корейцы (во главе с Хо Гаи);

4) вернувшиеся из Китая эмигранты-интеллигенты во главе с Ким Дубоном[12].

Вряд ли можно утверждать о существовавшей оппозиции среди советских корейцев, переживших депортацию и тотальное уничтожение всей корейской партийной

[11] *Ланьков А*. Северная Корея: вчера и сегодня. http://lankov.oriental.ru/nkstart.shtml Дата: 05.11.2012.
[12] Там же. http://lankov.oriental.ru/nk6.shtml

номенклатуры в Союзе ССР[13]. Известно, что каждый советский кореец, прибывший в Пхеньян, прошел тщательный отбор, неоднократно проверен спецслужбами и каждый из них фактически являлся потенциальным агентом КГБ СССР.

То же самое можно утверждать о «местных корейцах», находившихся до 1945 г. в подполье и преследовавшиеся японскими властями. В 1948 г. в условиях создания нового корейского государства, все вышеперечисленные «оппозиционеры» вряд ли бы решились оказывать какое-либо сопротивление главе этого государства Ким Ирсену.

Что касается деятельности Пак Хонъёна, то его активная политическая деятельность по консолидации всех партийных организаций Юга Корейского полуострова, его научные труды о национально-освободительном движении, статьи и выступления доказывают обратное, он оставался сторонником мирного объединения и резко критиковал фракционность во всех ее проявлениях.

Известно, что главной причиной гибели Пак Хонъёна от репрессий Ким Ирсена является обвинение его в поражении в Корейской войне. Однако российские ученые-военные утверждают, что ответственность за эту войну несут И. Сталин, Мао Цзэдун и Ким Ирсен[14].

С 2003 г. в отечественной литературе стали появляться вузовские учебники по истории Кореи. Так, в 2002 г. в Санкт-Петербургском университете проф. С.О. Курбанов опубликовал «Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века»[15], в 2003 г. в Московском государственном институте международных отношений вышла в свет публикация «История Кореи (Новое прочтение) под редакцией А.В. Торкунова[16].

В приведенных изданиях авторы обращаются к личности Пак Хонъёна как к одному из политических лидеров Кореи. Неточности, связанные с изложением биографии Пака имеются у С.О. Курбанова. Например, автор утверждает, что «после подавления Первомартовского движения он (Пак Хонъён) бежал в Россию, в начале 1920-х годов примкнул к иркутской Корейской коммунистической партии, а в 1922 г. принимал участие в работе Съезда представителей народов Дальнего Востока»[17].

Известно, что после Первомартовского движения Пак Хонъён сначала уехал в Японию, а через два месяца из Японии приехал в Шанхай, именно там он впервые встретился с представителями «Корейской социалистической партии» – Ли Донхви, Ким Мангёмом, Ким Даня[18] и др. и участвовал на съезде этой партии. В СССР Пак Хонъён прибыл в 1928 г. по линии МОПРа через Владивосток был переправлен в Москву.

Авторы «Истории Кореи (Новое прочтение)» описывают этот период деятельности Пак Хонъёна следующим образом: «В апреле 1921 г. в Шанхае на съезде «Корейской социалистической партии» в форсированном порядке принимается решение о преобразовании «*Ханин сахведан*» (Корейская социалистическая партия) в «*Коре консандан*» (Корейскую коммунистическую партию). В состав ЦК вошли: Ли Донхви (председатель ЦК), Ким Чхольсу, Пак Чинсун, Ли Бонсу, Пак Хонъён и др. В политической платформе Корейской компартии в Шанхае достижение национальной независимости Кореи рассматривалось как промежуточная цель на пути к социалистической революции и формированию государства «пролетарского типа путем участия в мировой революции» и построения в конечном итоге «бесклассового общества» в стране»[19].

---

[13] *Сон Ж.Г.* Корейцы в СССР: репрессии, депортация. 1920 – 1930. История этнических меньшинств. Lambert Academic Publishing GmbH&Co. KG. Берлин, 2011.

[14] *Коротков Г.И.* И.В. Сталин и Корейская война / Война в Корее 1950 – 1953 гг.: Взгляд через 50 лет. Материалы международной научно-теоретической конференции. М., 2001. С. 67-89.

[15] *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002.

[16] История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003.

[17] *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002. С. 277.

[18] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 65а, д. 9175.

[19] История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003. С. 301.

В отличие от авторов «История Кореи (Новое прочтение)», вероятно, не ставивших перед собой такой цели, С.О. Курбанов в своих выводах о деятельности Пак Хонъёна делает предположение, что имея немалые заслуги в борьбе за освобождение Кореи и известную популярность среди народа, отмечает автор, Пак Хонъён, подобно Ким Ирсену, также мог стать лидером Северной Кореи. Поэтому в 1955 г. он был обвинен сторонниками Ким Ирсена в шпионаже в пользу США и казнен. Пример политической деятельности Пак Хонъёна очень важен, отмечает С.О. Курбанов, для понимания того, что социализм в Северную Корею не был «ввезен» Красной Армией. Часть Кореи была готова для принятия социализма в связи с рядом объективных обстоятельств, и наличием политических лидеров, которые возглавили этот процесс[20].

О национально-освободительном движении в Корее, корейском коммунистическом движении, о фракционной борьбе корейских партийных групп, о роли Коминтерна в объединении этих группировок и неоднократных попытках создать единую Компартию Кореи содержится богатый материал в монографии проф. Б.Д. Пака «СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение: 1918–1925гг. Очерки, документы, материалы» [21], изданной в 2003 г. в институте востоковедения РАН.

В данной монографии также уделяется внимание жизни и деятельности Пак Хонъёна как одного из «зачинателей и крупнейшего деятеля корейского коммунистического движения с 1920 г.» [22]. Впервые в российской литературе была опубликована автобиография до 1925 г., записанная со слов самого Пака Ф.И. Шабшиной. Однако данный труд не содержит анализа самой политической деятельности Пак Хонъёна, не определена его роль в национально-освободительном движении Кореи.

В 2004 г. был опубликован сборник документов «ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918 – 1941 гг.»[23]. Документы сборника отражают не только деятельность коммунистических организаций, в них показан весь спектр различных партий, существовавших в этот период, их противоборство и развал. Имя Пак Хонъёна упоминается в 11 документах той поры. Анализ информации, содержащейся в этом сборнике, может служить для дальнейшего исследования общественно-политической деятельности Пака.

В 2011 г. в Москве была опубликована книга «Ким Ир Сен» в серии «Жизнь замечательных людей», автор Андрей Балканский (по всей вероятности это псевдоним). Не претендуя на рецензирование данного издания, отметим, что публикация является обобщением уже опубликованных трудов, неточности и необоснованные факты из истории двух государств Корейского полуострова продублированы, а зачастую имеют предвзятое отношение.

Высказывания автора настолько противоречивы, что трудно поддаются какому-либо анализу. Например, автор отмечает: «Архитекторы северокорейского режима, формировали сталинскую модель государства, с относительно мягким переходным периодом. Так что места не только для политической оппозиции, но и вообще для какого-либо инакомыслия в ней не предусматривалось с самого начала»[24]. И тут же констатирует наличие фракционных группировок, оппозиционной борьбе за власть и т.д.

В данной публикации Пак Хонъён показан политическим противовесом Ким Ирсену и репрессии против так называемых оппозиционеров вполне оправданы автором и являются не чем иным, как естественным уничтожением врагов будущего Великого Вождя.

А. Балканский приводит цитату из характеристики на Пака, составленную генерал-майором Лебедевым: «теоретически подготовлен хорошо, один из наиболее

---

[20] *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. СПб., 2002. С. 278.

[21] *Пак Б.Д.* СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение: 1918 – 1925 гг. Очерки, документы, материалы. М., 2006.

[22] Там же. С. 174.

[23] ВКП(б), Коминтерн и Корея 1918 – 1941 гг. М., 2007.

[24] *Балканский А.* Ким Ир Сен. М., 2011. С. 85.

подготовленных марксистов в Корее… Хорошо ориентируется во внутриполитической обстановке Кореи и разбирается в международных отношениях. По характеру мягкий, в быту скромен»[25]. На что автор книги, представляет свою, версию, называя Пак Хонъёна «Корейским Троцким», человеком с огромными амбициями, уязвленным в том, что вынужден довольствоваться вторыми ролями[26].

В шестой главе «Дорогой полководец» А. Балканский называет Пак Хонъёна «яростным сторонником войны» и «главным милитаристом», оправдывая Ким Ирсена тем, что якобы только он представлял консолидированную позицию партийного руководства[27].

Главная версия виновности Пак Хонъёна в проигранной Корейской войне – это так называемое его обещание о восстании 200 тыс. сторонников на Юге Кореи коммунистов не имеет документального обоснования.

На XVII научной конференции кореееведов России и стран СНГ: «Корея: уроки истории и вызовы современности» в ИДВ РАН, К.В. Асмолов в своем докладе «Корейская война как пример управленческого кризиса» высказал мнение, что Пак Хонъён – американский шпион. Докладчик так же, как и предыдущий автор считает, что война была проиграна из-за Пака, приводит те же самые аргументы о 200 тыс. повстанцах, ожидавших начала военных действий с Севера. Якобы Пак Хонъён убедил Ким Ирсена в необходимости начать войну, заверив его в этой самой поддержке. К сожалению, исследователи берут на себя ответственность при отсутствии какой-либо доказательной базы обвинять историческую персону.

Очевидно, что и А. Балканский и К.В. Асмолов имеют предвзятое отношение к личности Пак Хонъёна. Что касается числа в 200 тыс. человек, то впервые эта цифра была зафиксирована, в упоминавшемся документе из Особой папки в выписке из беседы Ким Ирсена в секретариате ЦК КПСС от 31 марта 1953 г. (Оп. № 3729 от 16. 04. 1953 г.). При адекватном чтении данного документа становится ясно, что Ким Ирсен ради своего спасения пытается оклеветать Пак Хонъёна, настолько не убедительны и бездоказательны доводы руководителя КНДР.

Таким образом, в российской историографии не имеется единого мнения о Пак Хонъёне, мнения зачастую разнополярны и противоречивы.

Пак Хонъён в зарубежной литературе. В зарубежной литературе, прежде всего, хотелось бы отметить хорошо известную российским кореееведам публикацию Ше Десука «Корейское коммунистическое движение. 1918 – 1948 гг.».

Автор подробно изложил свое видение возникновения коммунистического движения в Корее, где значительное место уделено лидеру корейского коммунистического движения Пак Хонъёну. Однако, отдавая должное автору издания, использовавшего огромный спектр документальных материалов Южной Кореи, Китая, США и Японии, существуют определенные пробелы из-за отсутствия анализа советских архивных материалов. Это касается и описания деятельности Пак Хонъёна[28].

Начало XXI в., как отмечал проф. С.О. Курбанов на недавно прошедшей конференции, посвященной Ан Джунгыну, стали для Республики Корея временем начала «культурно-исторической экспансии» в мировое культурное пространство. Так называемая «корейская волна» пришла и в Россию.

Начиная с 2000 года были переведены с корейского языка труды таких известных историков как Ли Гибэк, Хан Ёнъу, Кан Мангиль. На произведениях этих авторов можно проследить эволюционное развитие корейской исторической науки в Республике Корея за

[25] Там же. Ким Ир Сен. М., 2011. С. 92.
[26] Там же.
[27] Там же. С. 102.
[28] *Ше Десук*. Корейское коммунистическое движение. 1918 – 1948 гг. / пер. с англ. Пака А.Н. М., 2002. С. 190 – 191.

последнее десятилетие. Примером может служить их отношение к жизни и деятельности Пак Хонъёна.

Ли Гибэк в своем труде «История Кореи: новая трактовка» (2000) упоминает имя Пак Хонъёна один раз как лидера коммунистической партии[29].

Хан Ёнъу – автор «Истории Кореи: новый взгляд» (2010), отдает значительное внимание личности Пак Хонъёна (его имя упоминается на 11 страницах), также в этом издании читатели впервые могли познакомиться с его биографией. Автор отмечает, что в 1945 г. на Юге Корейского полуострова реальная власть принадлежала Пак Хонъёну, воссоздавшему Коммунистическую партию. Поэтому, отмечает Хан Ёнъу, правительство Народной Республики фактически было представлено только левыми силами, и кратковременность ее существования можно объяснить, прежде всего, слабым участием в правительстве правых сил[30].

Хан Ёнъу подвергает сомнению устранение политического руководства Ким Ирсена после Корейской войны под предлогом подготовки государственного переворота. Автор констатирует, что «Более десяти деятелей партии Намнодан, начиная с Пак Хонъёна (казнен в 1955 г.) были осуждены на смертную казнь. Им вменялись в вину шпионаж в пользу США и намерение создать новое правительство в следующем составе: премьер Пак Хонъён, вице-премьеры Чан Сиу и Чу Ёнха, министр внутренних дел Пак Сынвон, министр иностранных дел Ли Гангук, министр обороны Ким Ынбин, министр пропаганды Чо Ильмён, министр просвещения Лим Хва, министр труда Пэ Чхоль, министр торговли Юн Сундаль, первый секретарь ЦК партии Ли Сынъёп. Однако до сих пор неизвестно, отмечает автор, действительно ли эти люди замышляли государственный переворот»[31].

В 2011 г. вышел в свет совместный труд двух известных ученых Кан Мангиля и В.М. Тихонова. Предметом пристального внимания обоих авторов явился Пак Хонъён (его имя упоминается на 13 страницах), единодушно пришедшие к мнению авторы отмечают, что «Пак Хонъён стал легендой, символом сопротивления колониальному гнету. Это объясняет, в числе прочих факторов, высокую популярность коммунистов и коммунистических идей в Корее сразу после освобождения от японского колониального ига»[32].

Авторы данной публикации используют широкий спектр документов и материалов, не использовавшихся предыдущими исследователями, как по КНДР так и по Республике Корея. Ими дается, на наш взгляд, самая адекватная оценка политической обстановки изучаемого периода.

В качестве источниковой базы может служить публикация Им Гёнсока «Установленная биография Пак Хонъёна» (*Ичжон Пак Хонъён ильдэги.* 이정 박 헌영 일대기), вышедшая в свет в 2004 году в Сеуле[33]. Упомянутое издание содержит хронику жизни и деятельности Пак Хонъёна с момента рождения до его гибели в 1955 г. Скрупулезно собранный материал выстроен в хронологической последовательности, где использованы архивные материалы, как российских архивов, так и корейских. В книге представлены дневниковые записи Пак Хонъёна, сохраненные его сыном Пак Вонгёном.

Таким образом, в зарубежной историографии, в частности южнокорейской, наблюдается возрастающий интерес к исторической персоне Пак Хонъёна. Анализ рассмотренных публикаций выявил наличие противоречивых мнений и суждений, проблемные стороны изучаемого объекта.

---

[29] *Ли Гибэк*. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. С. 388.

[30] *Хан Ёнъу*. История Кореи: новый взгляд / Хан Ёнъу; пер. с корейского под ред. М.Н. Пака. М., 2010. С. 514.

[31] Там же. С. 534.

[32] *Тихонов В.М., Кан Мангиль*. История Кореи. М., 2011. Т. 2. Двадцатый век. С. 155.

[33] *Им Гёнсок*. *Ичжон Пак Хонъён ильдэги. (*이정 박 헌영 일대기). Сеул, 2004.

Пак Хонъён – патриот-демократ. Уникальность судьбы Пак Хонъёна заключается в том, что он один из не многих «старых революционеров» после 25-ти лет революционной деятельности в подполье и заточения в японских тюрьмах, остался жив. Более того, ни один из выявленных документов той поры со стороны Пака не содержит клеветы и обвинений в адрес своих товарищей по революционной борьбе. Он не изменил своих взглядов и принципов в борьбе за освобождение Кореи, остался верным своему народу, за свободу которого боролся до конца своих дней.

В 1993 г. Ф. Шабшина в своих воспоминаниях о Пак Хонъёне, отмечает: «Сейчас, когда мы пересматриваем прежние трактовки мирных и немирных путей освободительной борьбы и отвергаем приоритет, отдаваемый вторым «как наиболее действенным и подлинно революционным», суждения Пак Хонъёна особенно памятны. Думаю, что они отражали гуманность его натуры, органично присущей и его характеру и мировоззрению»[34].

Пак Хонъён – один из не многих коммунистов-корейцев, обладал необходимыми качествами борца, которые зачастую отсутствовали у корейцев-коминтерновцев, а именно высокой образованностью (владел английским, японским, китайским, русским языками наравне с родным – корейским), дисциплинированностью, врожденной интеллигентностью. В его личном деле, хранящемся в РГАСПИ, записано: «Хорошо работает коллективно, имеет хорошие организаторские способности. Имеет хорошо развитое чувство интернационализма. Твердо дисциплинирован и всегда хороший товарищ. Рекомендуется для национальной руководящей работы в своей партии. Во всех отношениях преданный, добросовестный и очень способный работник»[35]. Руководители Коминтерна считали Пак Хонъёна лучшим из корейских товарищей и настоящим коммунистом.

Изучение личного дела Пак Хонъёна показывает, что советское руководство на протяжении ряда лет держало под контролем его деятельность. В деле содержится более 17 справок и выписок из личного дела, сделанных по запросу высшего руководства Союза ССР. Под грифом «Совершенно секретно» хранится Справка от 31 августа 1945 г. на Ли Чуна (Пак Хонъён), где зафиксировано: «… прибыл в СССР в 1928 г., учился в Международной Ленинской школе с 1928 по 1930 г. Учебно-партийная характеристика в школе положительная. В 1931 г. работал в восточном секретариате ИККИ. По окончании школы в 1932 г. направлен на работу в Шанхай, где работал по связи с Кореей и в качестве журналиста. В 1933 г. Ли Чун снова был арестован японской полицией. Сведениями после 1933 г. не располагаем»[36]. По всей видимости, эта справка была составлена после того, как Пак Хонъён вышел из подполья и наладил связь с советским руководством[37].

После выхода из тюрьмы (Корея) в 1939 г. Пак Хонъён принимает активное участие в антияпонской борьбе на юге страны. Пак восстанавливает и руководит коммунистической партией на юге Кореи. Его усилиями в определенной степени удалось преодолеть тяжелое наследие «фракционной грызни» между коммунистами, сплотить их вокруг себя. С 1939 по 1945 гг. японские власти продолжали преследовать Пака, вся его работа проводилась в глубоком подполье.

Первая встреча Пака с вице-консулом А.Н. Куликовым произошла в ночь на 18 августа 1945 г. в консульстве СССР, по решению которого Паку был поручен вопрос о партийном строительстве в Корее[38]. Вплоть до октября 1946 г. встречи между Пак Хонъёном – представителем корейской компартии и А.Н. Куликовым – представителем Союза ССР проходили регулярно.

---

[34] *Шабшина (Куликова) Ф*. Пак Хонъён. Его имя не должно быть забыто. 20 августа 1993 г. (рукопись)
[35] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 65а, д. 9175, л.76.
[36] Там же, л. 71.
[37] *Им Гёнсок*. *Ичжон Пак Хонъён ильдэги. (*이정 박 헌영 일대기). Сеул, 2004. С. 211-212.
[38] Там же.

В августе 1945 г. после освобождения Кореи Пак Хонъён становится членом легитимного ЦК и секретарем ЦК компартии Южной Кореи. Под его руководством 13 сентября 1945 г. в Сеуле состоялся первый съезд народных представителей, на котором присутствовало более тысячи делегатов. Съезд избрал Центральный народный комитет Корейской народной республики, в который вошли представители всех слоев населения, деятели разных политических ориентаций.

Принятая Центральным народным комитетом декларация отражала линию компартии, остававшейся в то время общекорейской. Так, в декларации говорилось: «Мы полны решимости:

1) Построить самостоятельное, независимое как в политическом, так и в экономическом отношении государство;

2) Ликвидировать последствия господства японского империализма и феодальные пережитки в нашей стране и быть преданными принципам и идеям истинного демократизма, на основе которых должны удовлетворяться политические, экономические и социальные нужды нашей жизни;

3) Обеспечить наиболее быстрое улучшение жизненного уровня рабочих, крестьян и всех трудящихся;

4) Являясь одной из демократических стран мира, совместно с другими демократическими странами укреплять дело мира»[39].

Более того, Центральный народный комитет наметил и целую серию практических задач. В частности: немедленно отменить все законы и декреты, изданные японскими колониальными властями. Национализировать земли, принадлежащие японцам и изменникам корейского народа, и передать их бесплатно крестьянам. Национализировать все принадлежащие японцам фабрики, заводы, шахты, железные дороги, морской транспорт, банки, все виды связи. Взять под государственный контроль все промышленные и торговые предприятия. Установить 8-часовой рабочий день, а для лиц моложе 18 лет – 6-часовой. Труд детей до 14 лет запретить. Предоставить народу политические свободы: слова, печати, собраний, союзов, демократий, вероисповедания. Предоставить женщинам равные права с мужчинами. Ввести обязательное начальное обучение. Вместе с тем были предусмотрены меры по урегулированию цен, восстановлению промышленности, отмене насильственных поставок риса, ликвидации безработицы[40]. Несомненно, это была подлинно демократическая программа, отвечавшая чаяниям корейского народа.

Именно в этом направлении Пак Хонъён вел переговоры осенью 1945 г. с Американской военной администрацией (АВА) по урегулированию политических, экономических вопросов освобожденной Кореи. В архиве внешней политики России (АВПРФ) хранятся стенограммы бесед Секретаря ЦК Компартии Кореи Пак Хонъёна с начальником Военной администрации генерал-майором Арнольдом (две встречи: 11 ноября 1945 г.[41] и 11 декабря 1945 г.[42]), с командующим 24-м корпусом американских войск генерал-лейтенантом Ходжем (две встречи: 27 октября 1945 г. и 15 ноября 1945 г.)[43], с проф. Ли Сынманом (в конце октября 1945 г. и 16 ноября 1945 г.)[44], интервью Пака корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс» Денстону[45].

В первой беседе, состоявшейся 27 октября 1945 г. генерал-лейтенант Ходж предъявил обвинения Паку, как к руководителю компартии в том, что Корейская

[39] *Шабшина Ф.* Пак Хонъён. Его имя не должно быть забыто. 20 августа 1993 г.

[40] *Шабшина Ф.* Указ. соч. (Ссылка Ф. Шабшиной на опубликованную в 1945 г. книгу «Кризис колониальной системы», о чем советское корееведение было вынуждено замалчивать)

[41] АВПР. Ф. 0102, оп. 1, д. 3, п. 1, л. 48-51.

[42] Там же, л. 57-62.

[43] Там же, л. 33- 47.

[44] Там же, л. 52-56.

[45] Там же, л. 63-64.

компартия проводит политику против сотрудничества с АВА, организовывает забастовки рабочих, распространяет листовки и развешивает плакаты с содержанием, направленными против АВА и т.д.

Контраргументы Пак Хонъёна сводились к тому, что компартия перешла на легальное положение лишь после 15 августа, в связи с этим она не обрела еще той силы, чтобы руководить всем народом. Далее он отметил, что в стране происходят стихийные действия неорганизованных масс, настроенных в индивидуально-террористическом духе, и нести ответственность за них компартия не может. В центральном органе компартии «Ежедневник освобождения», отметил далее Пак, мы призываем к борьбе против терроризма, и мы решительно против того, чтобы заниматься индивидуальным террором и стремимся организовать и мобилизовать массы[46].

Оба собеседника пришли к единому мнению, что положение в Корее осложняется японцами и бывшими прояпонскими элементами, совершающими преступные дела под именем коммунистов, ими фабрикуются листовки и плакаты и т.д. Беседа была завершена призывами Ходжа дружить и сотрудничать с АВА.

Однако массовые беспорядки по всему Югу страны не только не уменьшались, а наоборот, число их росло с каждым днем. Они принимали стихийный характер и для урегулирования этих беспорядков, АВА приходилось применять вооруженную силу. В 1945-1948 гг. ситуация фактически вышла из под контроля, юг Корейского полуострова погрузился в хаос и репрессии.

О характере массовых протестных движений на Юге Кореи пишет исследователь Н.Н. Ким: «Социальные протесты националистического или экономического характера возникали либо стихийно, либо организованно, но самое главное – исходили они, если так можно выразиться, из самого народа или от профсоюзных, общественных организаций»[47].

С другой стороны, выступления народных масс не имели никакой ярко выраженной идеологической окраски, буржуазной или социалистической, это был сугубо внутринациональный конфликт, являвшийся в некотором смысле продолжением национально-освободительной борьбы, но уже в постколониальный период, отмечает Н.Н. Ким.

Содержание встреч АВА с руководителем компартии Пак Хонъёном являются ярким свидетельством противостояния обеих сторон. Жесткая позиция Пака заключалась «в полной ликвидации остатков японского империализма, в создании единого национального государства с устранением прояпонских элементов и национальных предателей и создании на этой основе прогрессивного демократического государства национального единства»[48].

АВА имела противоположное мнение, «наказание прояпонских элементов должно производиться после того как будет образовано Народное правительство. Мы ищем людей, которые нужны для возрождения хозяйства и для его движения (для организации производства), и тут из-за отсутствия квалифицированных кадров приходится использовать японцев и прояпонские элементы»[49].

Справедливы выводы Н.Н. Ким о том, что «публичное наказание *чхинильпха*[50] абсолютно точно гарантировало изменения социально-психологической обстановки в обществе, обострившейся во многом из-за нерешенности проблемы национальных

---

[46] Там же, л. 34.

[47] *Ким Н.Н.* Массовые протестные движения на Юге Кореи // Вестник центра корейского языка и культуры. Вып. 14. С.-Пб., 2012. С. 94.

[48] АВПР. Ф. 0102, оп. 1, д. 3, п. 1, л. 41.

[49] Там же, л. 38.

[50] *Ким Н.Н.* Массовые протестные движения на Юге Кореи // Вестник центра корейского языка и культуры. Вып. 14. С.-Пб., 2012. С. 92. Примеч.: *Чхинильпха* (친일파) – букв. «группа, дружественная японцам». Как правило, под *чхинильпха* понимались национальные предатели, люди, активно сотрудничавшие с японцами в годы колонии.

предателей. С точки зрения распространения власти в обществе наказание *чхинильпха* должно было обернуться перераспределением власти в пользу малоимущих слоев населения»[51]. Таким образом, Пак Хонъён в своих требованиях к АВА выражал мнение корейского народа, требуя от освободителей полной свободы слова, митингов, демонстраций, суда над прояпонскими элементами.

13 ноября 1945 г. состоялась встреча секретаря ЦК компартии Кореи Пак Хонъёна с начальником военной администрации генерал-майором Арнольдом. Содержание беседы сводилось к созданию единого фронта политических партий. Позиция Пака оставалась прежней, чтобы создать такой фронт, необходимы определенные принципы и условия. Подлинный единый фронт должен быть создан без прояпонских элементов и это первое условие компартии[52].

Требования АВА сводились к урегулированию проблем из-за забастовок рабочих, дезорганизующих промышленное производство в Корее, обвинению компартии в выступлениях против военной администрации. Пак пытался убедить Арнольда в том, что до тех пор, пока в АВА работают прояпонские элементы и предатели, хорошо известные народу, население подчиняться не будет и как следствие будут создаваться условия для сопротивления АВА. Для урегулирования этой ситуации Пак требовал от АВА поскорее изгнать этих людей.

Арнольдом был задан вопрос об отношении Пака к Народному правительству, которое, по его мнению, также противостояло военной администрации. Народное правительство ни в какой мере не является органом, противостоящим АВА, оно носит характер политической школы, ведущей политико-просветительскую работу, ответил Пак Хонъён. Критике со стороны Пака подверглись законы, принятые АВА, гласящие, что те, кто критикует людей, используемых военной администрацией, будут привлекаться к ответственности, что противоречит принципам демократии[53]. Аресты таких людей участились, главным образом, это были коммунисты.

Очевидно, что АВА шла на контакт с Пак Хонъёном исходя из объективной реальности, признавая его фактическим лидером корейского народа, имеющим влияние во всех слоях населения.

Интерес вызывают и встречи Пака с проф. Ли Сынманом, который, как и АВА был категорически против наказания прояпонских элементов и предателей. Аргументы Ли Сынмана сводились к следующему, «в настоящий момент мы не можем наказывать прояпонские элементы и предателей нации с помощью других стран, и поэтому мы это разрешим после, когда получим самостоятельное свое правительство»[54].

Пак был категорически против такого положения дел, – «с созданием такого беспринципного единства я не могу согласиться. Разве можно разрешить прояпонским элементам проникать в правительство, которое будет создано, и даже занимать руководящие места в нем. Разве это поддержит и позволит народ?»[55], – был ответ Пака.

Далее, Ли Сынман высказался о намерении генерал-лейтенанта Ходжа насильно распустить Народное правительство, которое якобы незаконно создано и противопоставляется военной администрации. Ли Сынман взял на себя миссию, пообещав Ходжу, что уговорит распустить правительство тех людей, кто его создал, т.е. Пак Хонъёна. Возмущению Пака не было предела, по существу, АВА требовала отказаться от каких-либо демократических начинаний будущего Народного правительства, созданного для самостоятельного независимого государства, и навязывала свою волю.

---

[51] Там же. С. 93.
[52] АВПРФ. Ф. 0102, оп. 1, д. 3, п. 1, л. 48.
[53] Там же, л. 49.
[54] АВПР. Ф. 0102, оп. 1, д. 3, п. 1, л. 52.
[55] Там же, л. 53.

Вторая встреча состоялась 16 ноября 1945 г. Она также не увенчалась какими-либо договоренностями по созданию подготовительной комиссии по избранию членов в «Комитет по ускорению получения самостоятельности Кореи», инициатором которого был Ли. Обсуждался состав кандидатов из разных партий. Далее, содержание беседы сводилось к тому, что АВА начала продвигать Временное правительство в Китае, считая его легитимным и единственно правильным правительством корейского народа[56].

Обращение Пака к Ли Сынману, как к человеку, имеющему последнее, решающее слово, стоять на независимых позициях, не поддерживать одну только партию, создавая этим межпартийный дисбаланс, не имело положительной реакции. Исходя из этих позиций, все усилия по созданию единого национального фронта, «Комитета по ускорению получения самостоятельности», направленные для организации корейской национальной власти и национального правительства становились бессмысленными.

О своей принципиальной позиции по отношению к Временному правительству Пак Хонъён высказал 20 ноября 1945 г. в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Денстону[57]: «Несмотря на длительность своего существования, – заявил Пак, – Временное правительство не имеет в действительности никакой связи с корейским народом и не имеет основы в нем, и поэтому мы не можем его рассматривать нашим правительством. В настоящее время уже существует в стране правительство Народной республики, получившее поддержку народных масс, и было бы хорошо, если бы из двух правительств составилось одно коалиционное правительство. Такое правительство должно опереться на единый национальный фронт, который будет объединять все партии и организации. Только на базе единого фронта должна быть построена коалиционная власть»[58]. Такова была позиция Пак Хонъёна.

На вопрос Денстона о «силе партии в южной части Кореи и в Сеуле» Пак Хонъён ответил, что в Южной Корее имеет 7000 членов, из них 2000 человек находятся в Сеуле[59]. Возникает вопрос: Могло ли это количество членов компартии за пять лет (1945–1950) вырасти до 200 тысяч, о которых писал в объяснительной записке Ким Ирсен?

Анализ содержания стенограмм встреч с руководителями АВА и Ли Сынманом показал, насколько высок был уровень социальной напряженности, забастовки рабочих, крестьянские погромы и восстания, различного рода митинги и демонстрации стали типичными явлениями на Юге Корейского полуострова. Американские власти не желали осознать тот факт, что внутринациональное противостояние имеет в большей степени социально-экономические причины, нежели политические. Пак Хонъён был уверен, что при выполнении вышеуказанных условий, АВА возможно и удалось бы проводить политику, адекватную отвечающую национальным требованиям и блокировало бы социальное сопротивление. Напротив, АВА ошибочно считала любое протестное движение политическим, где главную роль играла компартия, руководимая со стороны Союза ССР.

На наш взгляд, главной политической ошибкой Пака был отказ от президентства народной республикой на первом съезде народных представителей. Съезд заочно избрал президентом провозглашенной республики Ли Сынмана, за что многие патриоты обрушились на Пак Хонъёна. Доводы Пака были следующие, «нельзя не учитывать, – говорил он, – что на съезде были представлены разные политические течения, что Ли Сын Ман пользуется значительным авторитетом у интеллигенции и вообще у средних городских слоев. Американская пропаганда основательно помогла ему в этом. И правильнее было в таких условиях не разоблачать его, а идти на уступки и позволить ему

[56] Там же, л. 55.
[57] Там же, л. 63-64.
[58] Там же.
[59] Там же.

самому «разоблачиться»[60]. Впоследствии так и получилось. Ли Сын Ман отказался стать президентом народной республики.

Со стороны Пака, это была упущенная возможность стать всенародным лидером, приведшая к значительной потере авторитета среди народных масс. По нашему мнению, в данном случае проявился его природный характер: уступчивость, интеллигентность, желание дать возможность другим стать лидерами, а именно, вице-президентом съезд избрал Ё Унхёна, премьером Хо Хона, видные прогрессивные деятели, друзья и соратники Пака.

Можно допустить, что его не уверенность исходила по причине малого количества членов компартии, осознания, что силы невелики и необходимо время для дальнейшего развития. Тем не менее, ничто не могло поколебать принципиальных позиций Пака относительно будущего своей страны.

В это время начались ожесточенные нападки на Пак Хонъёна со стороны оппозиции внутри компартии. Появились слухи, будто он «выслуживался» перед американским командованием, а потом и вовсе предал народные интересы. С чем категорически не согласна Ф. Шабшина, Не единожды была свидетелем, пишет она, его глубокого возмущения действиями оккупационных войск. В частности, когда генерал Ходж потребовал немедленно прекратить работу конференции представителей народных комитетов и демократических организаций Юга, отмечает Ф. Шабшина, открывшейся 20 ноября (на ней присутствовало около 650 делегатов из разных городов и уездов Юга) и принять решение о самороспуске народных комитетов. А 19 декабря был совершен налет на народный комитет Сеула. Свое негодование Пак Хонъён выразил в своей речи на митинге: «Началось фронтальное наступление войск США против демократических сил Юга, по их удушению. Это должно быть прекращено»[61]. Корейский народ прислушивался к речам Пака.

Данная статья не касается существа и предыстории двух важных событий в истории Кореи – Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии (к ним присоединился Китай) в декабре 1945 г. и Совместной советско-американской комиссии, образованной для содействия созданию Временного корейского правительства 20 марта 1946 г., поскольку требует специального рассмотрения и исследования.

Однако пункт об опеке и сегодня трудно понять, поскольку это был удар по самой болевой общенародной точке, по кровоточащему национальному достоинству. Слово «опека» вызывало протест очень многих. Оно пугало, поскольку, реакционеры переводили его как протекторат[62].

Не сразу откликнулся на это и Пак Хонъён, он тоже колебался. «Все корейцы хотят быть не объектом решения их национальных задач, а субъектом своей судьбы, хотят сами ею распоряжаться»[63] – этой фразой Пак выразил мнение большинства корейцев. В противоречивой обстановке левые развернули движение в поддержку решений Московского совещания.

В 1946 г. Пак Хонъён являлся одним из инициаторов создания Трудовой партии Южной Кореи на базе коммунистической, Народной и Новой народной партий. Усилиями Пака был организован Демократический национальный фронт (ДНФ), председателем которого он находился в течение 1946–1947гг. В ДНФ вошли 42 партии и общественные организации, главным требованием было создание независимого демократического корейского государства.

---

[60] *Шабшина Ф.* Указ. соч.
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Там же.

В своих публичных выступлениях Пак Хонъён неоднократно подчеркивал, что для осуществления поставленных ДНФ задач необходимо объединить и задействовать весь национальный потенциал, богатый интеллект корейского народа. Он искал пути взаимодействия и сближения с теми, кто, оказавшись в противоположном лагере правых, не порвал с идеями независимости. Пак Хонъён призывал дифференцированно подходить к ним. Он с особым вниманием относился к колеблющимся и заблуждающимся. Огромные усилия вкладывал для консолидации всех «национальных сил» и осуществления поставленных задач Демократическим национальным фронтом.

Одним словом, 1946 г. для Юга страны и для Пак Хонъёна были самыми сложными, забастовки рабочих, крестьян, учащихся не прекращались. Напротив, они усугублялись тем, что на Юге знали, какие реформы проводятся на Севере полуострова. В 1945–1948 гг. между Севером и Югом, несмотря на разделительную полосу по 38-й параллели, граница оставалась прозрачной, работала почта, продолжались родственные связи, все это позволяло знать обо всем, что происходит на всей территории Корейского полуострова. В связи с этим, требования бастующих были более чем понятны, они желали экономических реформ.

Однако американская администрация во всем этом находила «красную угрозу» и не собиралась удовлетворять требования народа, выбрав путь физического подавления восстаний. С осени 1946 г. корейские коммунисты становились главными врагами оккупационных властей, началась их тотальная ликвидация. Правые силы, поддерживаемые не только американцами, но и японцами, и коллаборационистами, начали антикоммунистическую кампанию.

Накануне празднования 28-й годовщины Первомартовского народного движения 1919 г., а именно, 27 февраля 1947 г. Военной администрацией без предъявления обвинительного заключения Пак Хонъён, находившийся в подполье с середины 1946 г., был объявлен государственным преступником. За его поимку Департамент полиции назначил вознаграждение в размере 1 ронна – 453, 6 г золота[64].

В связи с ужесточающимся террором и готовящемся покушении на Пак Хонъёна, было принято решение о его переезде в Северную Корею. В правительстве Корейской народно-демократической республике Пак занимал позиции премьер-министра и министра иностранных дел. Вплоть до начала Корейской войны в 1950 г. Пак Хонъён имел значительное влияние внутри коммунистической Трудовой партии Ким Ирсена. Постоянное пребывание в стране, в отличие от прибывших из иммиграции лидеров, огромный опыт подпольной деятельности, знание и понимание нужд корейского народа делали авторитет Пака непререкаемым, что в значительной степени раздражало Кима.

Корейская война, начатая Ким Ирсеном, закончилась поражением коммунистов, вся ответственность за это легла на плечи Пак Хонъёна. Как уже отмечалось, в секретном отделе ЦК КПСС хранится выписка из беседы сотрудника отдела с Ким Ирсеном, состоявшаяся в марте 1953 г. Лидер КНДР обвиняет Пака в том, что во время начала военных действий и после, на Юге не была организована якобы обещанная Паком поддержка со стороны местных коммунистов.

Известно, что после ухода главных лидеров-коммунистов в начале 1947 г. на Север, клика «лисынмановцев» безжалостно истребляла коммунистов и всех, кто хоть как-то поддерживал их. Вряд ли к началу войны на Юге страны могли остаться какие-либо организованные коммунистические группы, способные противостоять местным и американским властям.

Вышеизложенные факты не позволяют обвинять Пак Хонъёна в его легкомысленности или безответственности в вопросе о начале Корейской войны или назвать его «американским шпионом», более того в свои зрелые годы (50 лет) мог ли он изменить свои принципиальные позиции?

[64] Там же.

Напротив, Ким Ирсен, служивший не один год в рядах Красной армии, был свидетелем реальных событий, происходивших в Особой Краснознаменной дальневосточной армии (ОКДВА)[65], сам жил в атмосфере подозрительности, в окружении постоянного поиска врагов народа, характерном для советской эпохи 1930–1940 -х гг.

В связи с этим, арест Пака и обвинение его в проигранной коммунистами войне, не вызывает удивления, поскольку Ким Ирсен, будучи ставленником И.В. Сталина, не мог поступить иначе. Ему, как и его Учителю, для утверждения на самом высоком посту молодого государства, необходимы были «застрельщики», «фракционеры», «оппозиция», «враги» и т.д.

В марте 1953 г. Ким Ирсен, с целью отвести от себя ответственность за Корейскую войну обвинил Пак Хонъёна вместе с целым рядом других соратников по антияпонской борьбе в «шпионаже» в пользу США и в 1955 г. казнен.

18 декабря 1955 г. в газете «Правда» была помещена заметка «Суд над предателем корейского народа»:

Пхеньян, 18 декабря. (ТАСС). *Как сообщает Центральное телеграфное агентство Кореи, 15 декабря специальная коллегия Верховного суда КНДР провела судебное разбирательство по дела Пак Хен Ена, по обвинению его в шпионаже, диверсиях, убийствах и терроре с целью свержения народной власти в республике.*

В обвинительном заключении говорится, что Пак Хен Ен еще в 1919 году установил связь в Сеуле с американским разведчиком Андервудом. Пробравшись на пост секретаря Коммунистической партии в Южной Корее, Пак Хен Ен активно выполнял задания американских империалистов, оккупировавших южную часть страны, - сначала командующего американскими оккупационными войсками в Южной Корее генерала Ходжа, затем политического советника американского посольства в Сеуле Нобля. Эти задания были направлены против строительства в Северной Корее независимого демократического государства, на подрыв революционного движения в Южной Корее. В октябре 1946 года по указанию Ходжа Пак Хен Ен перешел в Северную Корею. Пользуясь высоким положением в партии и правительстве, он сообщал американской разведке секретные данные о партии и вооруженных силах республики, назначал в руководящие партийные и государственные органы американских шпионов, подрывал и предавал патриотические демократические силы Южной Кореи. По указанию Пак Хен Ена и его приспешников, в том числе Ли Сын Эпа, было убито много верных членов партии, которые могли догадаться о его предательстве или помешать осуществлению его вредительских планов. После начала агрессивной войны американских империалистов против корейского народа Пак Хен Ен занимался преступной деятельностью, направленной на ослабление республики, на поражение КНДР в войне. В тяжелые годы войны Пак Хен Ен, Ли Сын Эп, Пэ Чер, Пак Сын Вон и другие заговорщики наметили план вооруженного переворота с целью ликвидации партии и свержения правительства.

В ходе судебного разбирательства Пак Хен Ен полностью признал все предъявленные ему обвинения.

Суд приговорил Пак Хен Ена к смертной казни с конфискацией всего имущества.

Читателю XXI века не знакомому с реалиями советской эпохи, воспитанному вне советских стереотипов, возможно, странно читать эти строки. Но, к сожалению, такова была советская и северокорейская действительность. В памяти многих современников Пак Хонъён и сегодня остается «предателем корейского народа». Цель написания данной статьи заключалась не только в опровержении, но и в адекватном пересмотре исторических реалий того времени.

[65] См.: *Сон Ж.Г.* Российские корейцы: всесилие власти и бесправие этнической общности. 1920-1930. М., 2013. С. 371-403.

Вместо заключения. Анализ общественно-политической деятельности Пак Хонъёна доказывает, что вся его жизнь была посвящена делу освобождения Кореи и построению демократичного общества на Корейском полуострове. Из всех изученных документов хотелось бы остановиться на одной характеристике Пака, написанной ближайшим другом и соратником профессором-кореееведом Ф.И. Шабшиной: «*А вообще ошибался ли он? Несомненно, и не раз. И со свойственным ему обостренным самоанализом признавая это, искал способы исправления своих ошибок. Но в основном и главном он неизменно оставался убежденным патриотом-демократом, видевшим пути осуществления своих идеалов национальной независимости, социальной справедливости, мира и прогресса в коммунистическом учении; интеллектуал, высокообразованный, многознающий. Он стремился масштабно, «крупным планом» оценивать события всемирной истории с ее приливами и откатами, закономерностями и парадоксами. При этом нетрудно было заметить истинную демократичность и широту его подходов и характеристик. Он умел видеть в истории, культуре, психологии своего народа богатые, благородные духовные начала и верил, что рано или поздно они прочно воплотятся не только в борьбе, но и в созидании. При этом он не сбивался на чванливость, национальное самолюбование, призывал к связям с мировой культурой. Он всегда был большим, искренним другом советских людей*»[66].

.

ПАК ХЕН ЕН[67]

Заместитель председателя ЦК Трудовой партии Кореи

Пак Хен Ен родился в 1900 г. в Центральной Корее, в семье крестьянина. По национальности – кореец. Образование – среднее. Журналист.
В 192 –1946 гг. – был членом компартии Кореи, в 1929 году был членом ВКП(б), в 1946 – 1949 гг. - членом Трудовой партии Южной Кореи.
Член Трудовой партии Кореи с 1949 г.
До 1919 г. – учащийся.
В 1919 г. участвовал в мартовском антияпонском восстании, после подавления, которого был вынужден выехать в Китай.
1919–1922 гг. был одним из участников создания комсомола Кореи, секретарем Центрального бюро комсомола, редактором нелегального органа компартии Кореи – газеты «Правда».
1922–1924 гг. за революционную деятельность находился в тюремном заключении.
1924–1927 гг. – член бюро, затем генеральный секретарь ЦК КСМ Кореи. В 1925 г. был вновь арестован по делу «Сто один» (процесс корейских патриотов). По состоянию здоровья в 1927 г. был освобожден из тюрьмы на поруки.
1928–1932 гг. – слушатель Международной Ленинской школы, сотрудник ИККИ, г. Москва.
1932–1933 гг. – работал по установлению связи с подпольными организациями компартии в Корее и Маньчжурии, г. Шанхай.
1933–1939 гг. – находился в тюремном заключении в Корее.
1939 –1945 гг. – был на подпольной работе в Корее.
В 1945 г. – член ЦК и секретарь ЦК компартии Южной Кореи.
В 1946 г. являлся одним из инициаторов создания Трудовой партии Южной Кореи на базе коммунистической, Народной и Новой народной партий.

[66] *Шабшина (Куликова) Ф*. Пак Хонъён. Его имя не должно быть забыто. 20 августа 1993 г. (рук.)
[67] РГАСПИ. Ф. 495, оп. 228, д. 23, л. 26–27.

С 1946 г. – член ЦК, Оргбюро и Политсовета ЦК Трудовой партии Южной Кореи, затем – Трудовой партии Кореи.
В 1946–1947 гг. был председателем ЕНДФ Южной Кореи и заместителем председателя ЦК Трудовой партии Южной Кореи.
В 1947 г. в связи с угрозой ареста выехал нелегально в Северную Корею, откуда продолжал руководство Трудовой партией и Единым национально-демократическим фронтом Южной Кореи.
В 1948–1949 гг. возглавлял подготовку и обеспечил участие представителей политических партий и организаций Южной Кореи в работе объединенных совещаний политических партий Севера и Юга Кореи, был членом ЦК и заместителем секретаря временного объединенного ЦК Трудовых партий Северной и Южной Кореи.
С сентября 1948 г. – заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Корейской народно-демократической республики (1948–1953), с 1948 г. депутат Верховного народного собрания КНДР.
С 1949 г., одновременно является заместителем председателя ЦК Трудовой партии Кореи, членом ЦК и президиума ЦК Единого демократического отечественного фронта Кореи.
В марте 1949 г. в составе корейской правительственной делегации был в Советском Союзе.
С 1950 г. член военного комитета Корейской народно-демократической республики.
В 1951 г. в связи с 50-летием за самоотверженное служение делу освобождения корейского народа награжден орденом Государственного знамени I-ой степени.

27 ноября 1952 года